

Наследница магов. Концы в воду

Иллирика Тень

Иллирика Тень

Наследница магов. Концы в воду

«Автор»

2024

Тень И.

Наследница магов. Концы в воду / И. Тень — «Автор», 2024

Эта история записана со слов менестрелей. А также использованы дневники пресветлой герцогини и ее фамильяра. В первой книге описывается нежная юность Изабо Баккардийской. Ее похищение, неожиданное пробуждение магии и обретение сокровищ настоящего дракона. Правда, золото пока далось в руки главной героине (ее зовут Иззи) всего на день, а потом его пришлось хорошенько припрятать.

© Тень И., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Утро в портовом городе	5
Воспоминания Белиала-младшего, падшего демоненка	8
Тайные вечера	11
Ошибки перевода	14
Купание именинника	17
На корабле	19
Под тенью банкротства	22
Иззи преследуют неприятности	24
В ловушке	27
Сундук золота	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Иллирика Тень

Наследница магов. Концы в воду

Утро в портовом городе

Из воспоминаний Иззи, герцогини Баккардийской, ...серпентария 7580 года

Я росла сиротой, считая семьей наш цирковой коллектив: сборную солянку из клоунов, акробатов, фокусника, гимнасток и дрессировщика. Моей ближайшей подругой была белая кобыла по кличке Астрей. Я считала старого директора своим спасителем. 15 лет назад он не бросил грязного и умирающего от голода четырехлетнего мальчика на улице, а приютил и дал вырасти на цирковой арене. Я стала канатоходцем — балериной, парящей под куполом на тоненькой натянутой струне. Но недавно у нас появился новый директор. И однажды бархатной южной ночью в портовом городке он продал меня.

Я очнулась в трюме потрепанной ихуны, среди крыс и бочек с солониной. Радужный пузырь моего всегда праздничного мира лопнул. Все оказалось ложью. Под ногами плескалась тухлая, застоявшаяся вода. Над головой над чем-то ржали пьяные голоса. Не жила богато и не стоит начинать... Но куда хуже-то!? Кажется, я скоро утону вместе с этой дырявой посудинкой. Уже и вся жизнь промелькнула перед глазами, и завещание мысленно успела написать. Все золотые горы отдаю своей единственной верной и неизменной соратнице, Астрее. Не поминайте лихом.

Стоп, а может именно в золотых все дело? Где я? ГДЕ МОИ ДЕНЬГИ? Только вчера я собиралась отнести внезапно свалившееся на меня богатство в гномий банк. Похоже, вместе с золотом на меня свалилась лавина неприятностей. И выхода нет, разве что на дно.

Месяц серпентарий, 7530 год

Розово-сиреневое утро заливало улицы приморского городка. Цирк гостил тут уже неделю. Артисты маленькой пестрой группой двигались на рынок, развлекая горожан.

Лошадь лениво переставляла стройные забинтованные ноги по брусчатке. Тоненькая балерина сидела на потертой пурпурной попоне боком, перекинув ноги в атласных туфельках на одну сторону и в полусне старалась не упасть с колышущейся спины. Перед ней мерно покачивался плюмаж из изрядно ошипанных старусиных перьев. Балетная пачка топорщилась пеной кружев. Позументы на корсаже потускнели. Белые колготки были искусно заштопаны на правом колене.

Вчера вечером на арене, в свете софитов, все это ярко сияло и слепило публику своим блеском. Ранним утром юное и беспощадное весеннее солнце выставило напоказ облезлую фальшивую позолоту, истертую вышивку. Только помутневшие маленькие зеркала, по вечерам игравшие роль бриллиантов на срубе, еще пытались производить впечатление и пускали солнечные зайчики в редких по раннему времени прохожих.

Балерина подремывала, кобыла тоже. Оборванные уличные мальчишки крутились рядом.

- Спорим, она свалится прямо тут!

- Не похоже, давай дерну за ногу — вихрастый сорванец протянул руку к атласной туфельке.

- Дай я, ты криворукый! Так она до самой площади проспит!

- Нет, я первый — мальчишка оттолкнул приятеля, сунулся вперед и получил по лицу лошадиным хвостом, заплетенным в мелкие косички. Его приятели обидно засмеялись и тут же началась потасовка в уличной пыли. Из-под ног ребятни выскочила лохматая темная тень, зашипела и метнулась в подворотню.

Иззи усмехнулась, не открывая глаз. Они отлично понимали друг друга с красоткой Астреей. Балерина всегда охотно угощала любимицу морковкой, а шалости и проделки обожали обе.

Клоуны время от времени надсадно орала, зазывая зрителей на вечернее представление. Фокусник жонглировал мячиками, завернутыми в серебристую фольгу. Впереди неторопливо двигалась пара тощих девиц в трико — они вели дрессированных собачек. Завершали шествие братцы-акробаты на ходулях и человек-оркестр с трубой, гитарой и барабаном.

Малышка Иззи, сидя на лошади, краем сознания ловила издаваемый ее свитой шум, видела из-под ресниц любопытные взгляды кумочек, спешивших мимо — на рынок за свежей зеленью. Ей хотелось выспаться. Утренняя прохлада раздражала, мешала забыться и погрузиться в мягкую темноту без мыслей и сновидений. Легкий бриз поднимался по узкому проулку со стороны моря и охлаждал обнаженную спину.

Усмешка пряталась в уголках ее пухлых со сна губ. Широкий, победный и блистающий оскал она наденет на лицо вечером, стоя в кулисах перед выходом на арену. Иззи любила эти секунды затишья между суетой закулисья и хмельным азартом выступления. Как будто делала глубокий вдох — и выдыхала только сделав финальный поклон под аплодисменты толпы. Улыбка была ее щитом и маской. Когда Иззи переодевалась в обычное платье и переставала скалиться, ее не узнавали.

Правда, вчера толпы они не собрали. Половина мест в шатре осталась свободна. Именно по этой причине поздно вечером, точнее ночью, новый директор обругал артистов и объявил, что нужна реклама.

Утром все они отправятся в город — завлекать публику. Кроме Ольгинды — дородная грудастая ассистентка фокусника уставала больше других, развлекая по ночам самого директора. Фокусник терпел и мечтал, что однажды она перепьется, пропустит выступление и сама уйдет, хлопнув дверью. Тогда он с чистой совестью наконец-то возьмет себе нормальную, бойкую и стройную девочку, которая будет помещаться в ящике для распиливания и спать с ним, а не со старым лысым скупердеем.

Клоуны — злой рыжий и нытик белый — радостно поддакивали директору, но за спиной кривлялись и передразнивали красномордого толстяка. Они тоже были фокусниками (в своем роде) и здорово недолюбливали новичка — отставного полицейского. Утренняя прогулка позволит им потренировать руки и немного разжиться мелочью из карманов зевак.

Рыжего подобрал когда-то на улице Аркадий Францевич, прежний владелец цирка, ныне, увы, покойный. Пацан запустил руку к нему в карман и, выбери он другую цель, стал бы богаче на пару серебряных. К победе шел, не подфартило. Францевич крепко ухватил воришку за шиворот и забрал с собой. Ему понравился бойкий карманник и, выяснив что родители мальчика умерли уже года два назад, он предложил ему выбор — стать клоуном или сдать полицию. Из чумазого недокормыша вырос мускулистый стройный брюнет приятной наружности с аристократически безупречным носом и выразительным жестким ртом.

Альбинос Пьеро пришел к ним сам. Кем он был до цирка, никто толком не знал. Высокий, всегда невозмутимый, молчаливый подросток, он идеально вписался в образ белого клоуна. По вечерам он покрывал лицо гримом, вставлял в глаза невиданную редкость — темные линзы, надевал парик и становился неузнаваем. Никто не знал ни его настоящего имени, ни причин, по которым он каждый вечер безропотно терпел на арене пинки и затрещины от своего веселого собрата в рыжем парике.

Вместе эти ребята были отличной слаженной командой. Со временем белый научил рыжего читать, а тот, в свою очередь, обучил друга навыкам карманника.

Акробаты — веселая семейка прибившихся к ним не то цыган, не то друидов — бросили жребий и, как всегда, не повезло младшим, кудрявым и носатым Ярику и Войцеку. Они тоже с утра, не позавтракав, отправились со всеми.

Дрессировщик никого ни о чем не спрашивал, улегся спать между клетками с тигром и медведем. Будить его утром не решились.

Иззи и девочки-гимнастки вдохновляющий нагоняй пропустили. Они в это время ужинали в ближайшей таверне, где красоток по вечерам поджидали поклонники-студенты. Место считались элитным — каким может быть в приморском городке чуть более чистый кабак, чем забегаловки в порту. Представления студиязусы смотрели с галерки, куда пробирались бесплатно, за что вечером расплачивались более или менее сытным ужином.

Маленькая процессия, возглавляемая белой кобылой и сопровождаемая городскими мальчишками, приближалась к главной городской площади.

Воспоминания Белиала-младшего, падшего демоненка

Я здорово осрамился перед папашей... Так лопухнуться — пожалеть драного козленка во время шабаша во имя очередного тысячелетия геенны огненной! Какой же я дурак, так повестись на розыгрыш старших братцев! Козленок оказался не трепетной жертвой, а здоровым, вонючим и злобным козлищем (под простейшим мороком). Всех бесов насмешил, а братья еще и затаили на меня обиду. И отомстили - с их помощью я на 1000 лет загремел на череду перевоплощений...

Вам кажется это немного? Как бы не так! Старший братец, чтоб земля была ему ледяной купелью, подсутился и все мои перерождения теперь идут только в животных. И не в каких-нибудь долгожителей, вроде черепахи или дракона, а в мелочь. Мелкоту, которая вызывает только жалость.

Кем я только не был. Вот хотя бы предпоследнее воплощение — волк, который приставлен в помощники земной ведьме. В мире, где все забыли про магию. Но я справился, не сдох раньше времени, и ей не дал сдохнуть. Мы неплохо вместе повеселились, даже научились путешествовать по мирам. И теперь не лучшие — кот, да еще фамильяр, да еще при неиницированной магичке...

Я при ней уже 5 лет. Кажется, в системе произошел какой-то сбой, потому что меня выдернуло из действительности совершенно внезапно. Сидел у себя в логове, вычесывал блох задней лапой, наслаждался отпуском. Как-то там теперь моя ведьма, небось голос от воя сорвала, когда нашла мою остывающую тушку...

А я как был, с задранной задней лапой, отправился в новую жизнь. Сначала увидел вспышку адского пламени и испытал дикую боль. Меня всего обдало жаром, испеклило и выбросило в прохладную темноту. Исчезло все, даже боль. Затем появились запахи. А еще холод, сырость и голодные судороги в животе. В моем новом, тощем, облезлом, крохотном животике.

Я попытался привстать и понял, что лапы у меня тонкие, кривые, дрожащие. Они упираются в жидкую грязь, которая пропитала шерсть, забилась в пасть, глаза и уши. Я очнулся на берегу грязного затянутого ряской пруда. Хвост и задние лапы в воде, морда на суше. В мозгах нет мыслей, только стремление отползти отсюда как можно дальше. Но хилые лапки не слушаются, они дрожат от холода и усталости.

Вот это попал! От отчаяния захотелось взвыть в полный голос, я разинул пасть и... едва сам расслышал свое жалкое, тонкое, сиплое... МЯаааааа. Я кот? Я, злобный демон, сын страшнейшего из страшных демонов, племянник Самого неназываемого? Я, уже трижды бойцовый пес-убийца, дикий степной койот, магический волк в прошлом воплощении и... я кот? Да нет, даже не кот, а жалкий котенок-утопленник... Дальше падать некуда, дайте дно, я поступись.

Осознание оказалось горьким. Но еще хуже стало, когда я понял что меня совсем чуть-чуть недотопили. Чтобы уйти на очередной уровень перерождений мне надо пробыть в новом теле не меньше года. И если я умру прямо сейчас (а все на это указывает), то снова придется взбираться по этой лесенке с самой низшей ступени. А ведь я уже почти у самой вершины! Нет, нельзя умирать, надо бороться, придется бороться!

И я заработал задними лапками. Они вязли в иле, а в тельце болела каждая жилка, из пасти вырывался истерический писк. Я почти смог, почти выполз на сухую землю. И тут уткнулся в непроходимое препятствие. Что-то большое, деревянное, с железной окантовкой. Ведро. Угасающим сознанием я понял — это то ведро, из которого меня выплеснули вместе с помоями, а заодно и всеми моими братиками и сестричками, в этот мелкий пруд. Ну все, это конец...

Но я ошибся. Ведро оказалось другим.

Иззи, 5 лет назад

Утром Иззи пошла выгулять Астрю к местному пруду. Ей, двенадцатилетней, совсем недавно разрешили считать эту тонконогую кобылку своей. Все равно никого больше из всей труппы она не пускала к себе на спину, была совсем молодой и необъезженной. Лошадь выкупили у торговца, которому она досталась из-за выбраковки на графской конюшне в счет какого-то мелкого долга. Актив был бросовый — для господ она бракованная, а для работы слишком мелкая, легкая и слабая.

Белую кобылу за одну серебрушку и представление для купеческих детишек приобрел директор цирка, Аркадий Францевич. Он собирался отдать ее дрессировщику, выучить разным штукам и показывать по вечерам публике. Но дрессировщик отказался. «Все равно, что собачек натаскивать», — заявил он. Кобылка досталась Иззи, маленькой балерине, которая училась ходить по проволоке, а пока исполняла в цирке всякую подсобную работу. Ассистировала фокуснику, выступала в паре с клоунами, выгуливала собачек, штопала костюмы труппе.

Две бледные моли — так называли их поначалу. Но очень скоро Иззи наловчилась скакать по арене верхом без седла и ее статус был повышен до наездницы. Правда, она показывала самые простые номера, но и публика у них была непрехотливая. Лошадь называли Астрей, в честь одной полузабытой богини.

Сейчас ни Иззи, ни Астрее не хотелось покидать теплую полутьму шапито и идти под мелкий моросящий дождь. Но альтернативы не было, на арене тренировали тигра перед вечерним выступлением. Дрессировщик был зол, в такое время лучше не попадать ему на глаза. Иззи взяла небольшое ведерко и решила набрать воды.

И вот она стоит на берегу мелкого пруда (да просто большой лужи) и удивленно смотрит на крохотный пищавший клочок шерсти, упорно штурмующий деревянную бадейку. Местные хозяйки уже побывали здесь раньше, выгнали пастись гусей. Парочка из них проявляет любопытство к этому мелкому недоразумению, издав его с лягушкой.

Иззи, недолго думая, подхватила котенка в руки, завернула в полу плаща и побежала в свой цирковой вагончик. Кобыла удивленно посмотрела на нее, а затем побрела следом. Девочка развила бешеную деятельность. Обтерла котенка насухо полотенцем, устроила ему гнездо из одеяла, подышала на дрожащее тельце. Он начал согреваться, но писк не прекратился, а стал еще жалостнее.

Астрей просунула голову в полуоткрытое окно и укоризненно фыркнула. "Да он голодный", — намекнула лошадь, пытаясь ухватить Иззи за вихры мягкими губами. И точно, уже всем пора было бы завтракать. Оставить малыша в вагончике, а самой бежать за молоком? В цирке его нет, кашеварит толстозадая Ольгинда, а она признает только жирную баранину, потрошки, гороховую кашу и пиво. Все это котенку не подходит.

Иззи наклонилась, заглянула под свою лежанку и вытянула небольшой сундучок. В нем она хранила нехитрые пожитки. В уголке были сложены монетки, которые ей удалось скопить. Она отложила пять медяков и одну серебрушку. Потом подумала и серебрушку спрятала обратно. Потом достала снова, но положила не с остальными деньгами, а в отдельный потайной кармашек в кожаном корсаже. Взяла свой вышитый бархатный кошелечек, снова накинула отсыревший плащ, сказала кобыле:

- Присмотри тут за мелким, — и вышла из вагончика. Маленькая циркачка обошла вход в шатер дальней стороной, поднырнула под хлипкое ограждение, и углубилась в узкую улочку.

Вскоре она была на рынке, нашла торговку творогом и молоком поскромнее, с добрым, но усталым лицом. Иззи честно купила у нее крынку молока за пару медных монеток. В соседней лавке утащила у зевающей булочницы пирожок и вприпрыжку побежала обратно. Она решила пройти другой дорогой. В просвете улицы между домами открылся вид на море.

Моросил мелкий дождь, ветер утих, водная гладь отражала серые низкие облака. Пахло йодом и рыбой. Тонкая полоса, где море смыкалось с небом, манила и приковывала взгляд. Иззи любила смотреть вдаль, пытаясь поймать убегающую линию горизонта. В этот раз там, на самом краю, упираясь парусами в облака, маячил парусник. Она помахала ему рукой и побежала домой, в цирк.

Котенка накормили, пригрели и вскоре он прижился среди собачек, с которыми быстро завел дружбу. А за потерянное ведро Ольгинда оттаскала Иззи за ухо. Она бы, наверное, оторвала его, но девчонка вытащила из потайного кармашка серебрушку и откупилась от всех грехов. За эту неделю.

Тайные вечера

Месяц серпентарий, 7530 год

Люди любят цирк не только за возможность отвлечься от повседневных забот и увидеть нечто необычное. Артисты показывают им настоящие чудеса и это очень важно в мире, который почти утратил магию. Ворожить понемногу способны многие, но истинная магия стала тайным искусством. Цирк оказался тем местом, где реальность растворяется в ауре иллюзий.

Выросшая в шапито Иззи обожала свой цирк. Она любила его особый терпкий запах, ежевечернюю кутерьму за кулисами и волшебное преображение друзей в тот миг, когда из тени они выходили на арену под свет софитов. Она сама начала выступать еще малышкой. Первым ее успехом стала роль кролика. Она ассистировала фокуснику, выскакивая из большой волшебной шляпы. Потом она выступала в амплуа гуттаперчевой девочки. Когда в труппе появились юные клоуны, часто участвовала в их буффонадах.

Иззи никогда не отказывалась от предложения поучаствовать в любой безумной затее. Цирк часто гастролировал по приморским городам. Там было тепло, всегда много народу, активно шла торговля и у людей находилось немного лишних денег, чтобы потратить их на развлечения. Девочке все было интересно, она частенько засматривалась на корабли, приносившие в своих парусах запахи других стран. Матросы быстро карабкались по снастям, поражая ее своей ловкостью.

В бродячем цирке показывали дивертисмент — несколько номеров, между которыми на арене работают клоуны. Сначала под фанфары выходили парадом все артисты в ярких костюмах. Затем наступала очередь фокусов, потом — акробатов, дрессировщика.

Иззи обычно выступала последней. Многие зрители терпеливо ждали конца представления, чтобы полюбоваться на ее стройные ножки, выкидывающие коленца на головокружительной высоте под куполом цирка. Юная балерина порхала на канате, как бабочка, а затем исчезала за кулисами, как недостижимая мечта. Она уже давно усвоила — чтобы ее не поймали в коридоре любители познакомиться поближе, убежать с арены надо стремительно и, желательно, в числе первых.

Становиться содержанкой эквилибристка упорно не желала, несмотря на настойчивые уговоры нового директора продать ее «ценность» подороже, пока не состарилась. Они с девочками из кордебалета по вечерам ускользали из цирка, торопливо переодеваясь на ходу и никому не говоря, куда отправились. Неудовлетворенные «покупатели», науськиваемые директором, ждали своего часа.

Вот и сегодня дружной троице удалось скрыться незаметно. До надежной таверны бежали, выбирая темную сторону улицы. Раскрыть их временное убежище не стоило усилий, просто пока никто особенно не старался. Оба клоуна нередко составляли им компанию, но держали языки за зубами и чужим — а новый директор был именно таким — не выдавали. Редкие прохожие оглядывались на стройные фигурки, и спешили дальше по своим делам. На город опускалась тишина, теплый желтый свет из окон большими квадратами ложился на мостовую.

Придерживая одной рукой длинный плащ, Иззи смотрела под ноги. На неровной брусчатке легко споткнуться, а ей нельзя рисковать — ноги ее главный источник дохода. Какая балерина без ног? Уж лучше без глаз, все равно на канате она находит путь практически на ощупь.

И все же она споткнулась! Но совершенно не была в этом виновата... Она бежала по светлому освещенному прямоугольнику, чуть отстав от подруг. Вдруг поперек метнулась черная кошка — вынырнула из темноты и канула мгновенно. Иззи могла поклясться, что буквально наступила ей на хвост, сбилась с ноги. Вот только никто, кроме нее, кошку не заметил, не услышал возмущенного мяуканья...

Балерина остановилась поправить туфельку, когда немного впереди открылось окно, вниз пролился шумный и довольно вонючий водопад. Она отпрянула, чтобы брызги до нее не долетели, помянула кошку добрым словом, потом обошла лужу и догнала подруг. Они уже открыли тяжелую дверь и до ее носа донесся аппетитный запах жаркого с острым перцем.

Кабачок под названием "Герань" слегка напоминал Иззи цирк. Шумно, среди музыкантов громче всего звучит барабан, забывая гитары и саксофон. Откуда-то пахнет конюшной. Посетители не церемонятся, но и не задираются без дела. Кухарка отлично готовит рыбу, а по утрам мальчишки приносят свежих устриц и сливы. Вино хозяину поставляет родня — легкое, кисловатое, терпкое. Студенты пьют пиво.

Темная тень кошки проводила девушек до входа в таверну, затем стала совсем плоской, переползла на стену и растаяла в чердачном коне. В этом месте, несмотря на шум и близость порта, было сравнительно безопасно. Среди посетителей бывали и богатые купцы, и благородные господа. После смены частенько заходили поужинать старшины городской стражи.

Городок считался территорией свободной торговли, поэтому титулы, не подкрепленные личными заслугами, тут не ценили. Между посетителями случались споры и даже драки, но до серьезного членовредительства не доходило. Девушки снимали небольшую мансарду под самой крышей и были уверены, что никто не вломится к ним в дверь непрошеным.

Черная кошка в темноте

Пока девушки в таверне искали свободный столик и заказывали ужин, на чердаке тень кошки мягко спрыгнула в пыль на полу. Затем темнота стусилась в непроницаемо черный клубок, отряхнулась и, распушив шерсть, превратилась в довольно упитанного лохматого кота. На дне его зеленых глаз поблескивали красные огоньки, что совершенно не типично для кошачьих.

У Белиала было много важных дел на эту ночь. В отличие от беспечной Иззи, он планировал каждый шаг. Девушки совсем не случайно выбрали "Герань" для своей временной базы. Демонёнок потратил немало сил, чтобы заманить их в эту часть города, где некоторые старые дома стояли на фундаментах еще более древних построек.

Таверна отличалась необычной планировкой. Если смотреть сверху, крыши нескольких домов, соприкасавшихся торцевыми сторонами, образовывали неправильный пятиугольник с одним длинным узким углом. Его вершина была срезана и приходилась на слияние двух улиц. Именно в этом месте располагался вход в таверну. Она занимала два смежных дома. Тенистый пятиугольный двор почти не видел солнца и напоминал колодец. В центре сохранился старый, полуразрушенный фонтан.

Круглую чашу фонтана когда-то украшала небольшая статуя. Но время не пощадило камень и теперь было непонятно, толи это женщина, опустившаяся на одно колено, толи ваза странной формы. Фигура утратила голову, а на образовавшуюся площадку кто-то из жителей поставил глиняный горшок с геранью. Несмотря на полуразрушенный вид, фонтан еще работал. Из трещины в камне в чашу сбегала тонкая струйка воды. Ее пили голуби и дворовые кошки.

От этого серебристого от пыли ручейка, если очень постараться, Белиал мог слышать слабый отзвук магии. Демон в теле кота надеялся, что этих крох хватит, чтобы нащупать в душе Иззи ее спящие способности. Канатоходка иногда входила во двор, садилась на стертый от времени бортик, подставляла узкую ладонь под капли воды. Но силы угасшего источника было недостаточно.

Пару дней назад Белиал, уже неделю пробиравшийся тенями в магическую библиотеку, нашел в закрытой части хранилища дневник ведьмы, казненной больше 200 лет назад. Потрепанная книжица хранилась в запертом шкафу, являвшемся архивом церковной канцелярии. Ему стоило больших усилий не только разобрать ее корявый почерк, но и попросту переворачивать страницы.

Много раз кот желал своим братцам чирья на их роскошные седалища за то, что оставили его с голыми руками. То есть, лапами. Ни записей, ни магических артефактов, ни знаний о мире, в который забросили. Поэтому и пришлось искать инструкцию о пробуждении магии в архивах местных колдунов. К счастью, метод оказался довольно простым. Если в крови будущего мага спала стихия, то ему было достаточно прикоснуться к ее источнику.

Проблема заключалась в том, что источник был слишком слаб. И этой ночью Белиал планировал его усилить. Предстояло дождаться полночи. А пока следовало проверить, что делает его беспокойная воспитанница.

Ошибки перевода

Заметки Белиала-младшего, демоненка на пути к исправлению

Я пришел в себя, когда окончательно согрелся. Пахло молоком и... безопасностью. Мне было так тепло, как будто мою шерстку мягко обдувало из сплит-системы, поставленной на обогрев. Но это оказался не технический прорыв, а дыхание. Лошадиная морда, которая до этого старательно дула на меня, отодвинулась, а затем попыталась облизать.

От шока я перекатился на хвост и чуть не свалился на пол с лежанки. Шерсть встала дыбом, хвост трубой. Но куда там с моими новыми физическими данными! Все равно, что шипеть и плевать ядом в дракона. Лошадь, кажется, все поняла и ее морда исчезла за окном.

Да, я очнулся, но все еще оставался не вполне в себе. При переносе что-то сильно пошло не так. Если мне дали новое задание, то это похоже на перевод на другую должность. Где, спрашивается, инструкции? Подъемные, четко сформулированное техническое задание, цель? Почему со мной не встретился куратор или заказчик?

Да я даже не до конца переместился! Я понял это, когда внезапно тело потеряло материальность. От меня осталась только тень на стене. Хорошо, что длилось это недолго и никто не успел заметить. Значит перевод из одного мира в другой не завершен и часть меня (интересно, насколько большая?) осталась болтаться без присмотра где-то между мирами. Но этим неприятности не закончились!

Моя спасительница и одновременно подопечная не владеет магией. Ей 12, первые признаки дара уже должны проявиться. Но ничего нет. Она даже не слышит меня, своего фамилльяра! Я уже пытался с ней говорить, но на все мои доводы девочка отвечает только «ах, как жалобно он мяучит!».

Мя-ау-уууу-а! А так хотелось зарычать...

Пришлось привыкать к новым обстоятельствам. Это было нелегко. На запросы во вселенную никто не отвечал. Кажется, сигнал вообще не покидал пределов этого мира. Как будто он отрезан от всего сущего. Мало того, что воплощение удручающе слабое. Что магичка мала и не владеет своим даром. Так мы еще оказались в полной изоляции.

Я думал, что мы будем долго и мучительно привыкать друг к другу. Но этот процесс пошел неожиданно легко. Девушка (ее зовут Иззи — Беспечная, если подобрать наиболее близкое значение с демонического) разговаривает со мной, когда мы остаемся одни. Меня она не понимает, поэтому я чувствую себя немым. Стараюсь реже мяукать.

Она зовет меня Барсик. Пытался объяснить, что я Белиал, будущий командарм демонических полчищ. Кажется, она что-то услышала...

Толстая краснолицая женищина, которая днем размахивает поварешкой, а по вечерам натягивает на свое большое тело маленькое блестящее трико со смешной юбкой-хвостом и прячется в ящик фокусника, меня недолюбливает. Она сразу заявила:

- Если твой Ба... срун этот станет тут территорию метить, придушу! Убирать за ним сама будешь.

Да, с этой Ольгиндой мы не сработаемся. Иззи тоже обходит ее стороной. Ничего, у меня память хорошая, а что не помню — записываю. Ага, прямо в тапки.

7525-7530. 5 лет вместе

Котенок прижился в цирке, хотя на арене показываться категорически отказывался. Он был лохматым, когтистым и молчаливым. Тоненькое «мау» раздавалось только в самых крайних случаях. Астрей сразу прониклась к нему сестринскими чувствами и по-своему опекала.

Котенок частенько пропадал (Ольгинда радостно хмыкала «туда и дорога»), но он всякий раз снова находился. Чаще всего — в сене в вагончике Астреи. Там было тепло, тихо и спокойно.

Сообразив, что возможные конфликты надо давить на корню, Барсик быстро показал себя отличным охотником за мышами. О его охотничьих способностях знали все, уж об этом демон позаботился. Ведь надо чем-то оправдывать кормежку растущего кота.

Когда директор цирка попытался уговорить Иззи отдать питомца какой-нибудь добро-сердечной горожанке, мелкий быстро смылся. Через несколько минут из близлежащих кустов раздался истошный визг, ветки стали трястись, в стороны полетели листья, клочья земли с травой. Бой был нешуточный, земля ходила ходуном. Затем все стихло.

Первым из кустов появился встопорщенный, как щетка трубочиста, черный хвост. Котенок пятился задом и тащил в зубах здоровую серую крысу. Это была старая, не однажды побывавшая в боях, крысиная королева с отмеченной шрамами шкурой и свернутой набок головой.

Случившееся разом прекратило любые споры о праве кота на уголок под крышей и еже-вечернюю тарелочку молока. Его признали полезным участником циркового сообщества, на шею надели ошейник с колокольчиком, а в вагончике Иззи выделили отдельную подушечку. Колокольчик он мигом потерял, сорвав с шеи и закатив в самый дальний угол под лежанкой.

Решили придумать коту имя. Мурзик, Васька, Шкет были им решительно отвергнуты. Брошенное Ольгиндой «Пушок» вызвало возмущенное шипение. Иззи смотрела в желтые глаза с вертикальными зрачками и слушала, как в груди котенка как будто перекачивались круглые камушки. Он мурлыкал, но вид при этом имел не расслабленный, а очень важный и грозный. Бур-мур-бур... Бурсик. Барсик.

Котенок вздохнул. Он, конечно, пытался сказать «Бе-ли-ал», но кошачья глотка и язык не предназначены для таких сложных слов. Да и незачем всем и каждому знать его истинное имя. Путь будет так, как решила Иззи. Ведь она даже угадала. По крайней мере, первую букву.

Постепенно балерина и демон в теле животного стали друзьями. Оба были частью цирковой труппы, оба своими силами зарабатывали себе на жизнь, оба росли. Учились разному: скакать верхом без седла и с седлом, ходить по канату (и лазать по тоненьким веточкам), прыгать с трапеции (или крыши), переворачиваясь в воздухе (и падать на четыре лапы), делать простые фокусы и тихонько воровать с кухни мясо. Влетало за проделки тоже обоим сразу.

Третьей в компании была лошадь. Астрея казалась самой старшей, умной и спокойной из них, но Иззи знала что класть пальцы в рот кобыле нельзя — откусит. Кот вел самостоятельную жизнь и она была трудна. Как выяснилось, крыс он не ел. С мышами играл, птичек слушал и наблюдал за их полетом с умным выражением на морде. Правда, с его приходом мелкие грызуны сами стали обходить цирковые вагончики дальней стороной.

Иногда Барсик притаскивал откуда-то дохлую крысу. Иззи подозревала что один и тот же «демонстрационный образец» появлялся перед ними по несколько раз, пока окончательно не протухнет. Она кормила кота тем, что удавалось урезать от своих обедов. Когда маленькая балерина создала свой оригинальный номер, стала выступать вместе с клоунами на рынках, появились и заработки помимо крохотного жалованья.

Когда Аркадий Францевич застал ее забирающейся на трапецию, было решено учить девочку акробатике и эквилибристике. Из невысокой, тонкой и гибкой Иззи получился отличный канатаходец. Она любила свою работу, испытывая восторг каждый раз, когда зрители купали ее в аплодисментах. Ей нравилась звенящая тишина в моменты, когда она замирала в сложном па на канате под куполом цирка. Она каждый раз испытывала волнение перед выходом на арену. И каждый раз успех кипел в ее крови, как пузырьки шампанского.

Цирк останавливался в больших городах и крупных деревнях. Иногда им разрешали занять какую-нибудь площадь в черте городских стен. Тогда Иззи выступала на канате, натянутом между крышами домов. Эти выступления собирали толпы восхищенных зевак. Пока они глазели, задрав головы вверх, кот успевал «поймать» пирожок у зазевавшейся торговли. Если

рядом была таверна с открытой верандой, он промышлял по тарелкам едоков. Брать объедки с пола брезговал, ведь он же гордый демон.

Конечно, девочка не знала об этих подвигах. Она старательно покупала котенку куриную печень, потрошки, молоко. Хорошо, что люди, кидавшие монетки в подставленную им шляпу, никогда не видели хвостатого воришку. Он буквально умел растворяться в тенях.

Иzzi задумывалась о том, что ее кот ведет себя необычно. Но надолго сосредоточить мысли на странностях Барсика не удавалось. Они как будто ускользали, рассеивались, никак не хотели запоминаться. Ей казалось, что черные кошки, попадавшие на пути, оберегали ее и иногда даже помогали.

Приятеля по ремеслу — клоуны Арлекин и Пьеро — учили эквилибристку чтению, счету, письму, а заодно мелким кражам и мошенничеству. Конечно, последнее было их маленьким секретом. Случалось, что все трое в спешке улепетывали от стражников и темная тень бросалась под ноги преследователей, давая им мгновения, чтобы скрыться. Никогда после они не вспоминали и не обсуждали эти случайности.

Если останавливались в поле, то Иззи с котом ходили на рыбалку. Им нравилось смотреть на солнечные блики, которые ложились на песочное дно от мелких речных волн. Поймав пару пескариков для кота, Иззи училась плавать. Ей нравилась вода, мягкие прохладные струи приятно ласкали кожу. Она не боялась глубины, ловко ныряла и умела справиться с течением. Как будто родилась среди русалок.

Кот воду не любил, она напоминала ему об обстоятельствах знакомства с Иззи. Но и не боялся. Мог подолгу терпеливо сидеть на берегу, наблюдая за мельтешением мальков среди водорослей. Играл с бантиком, который делала для него Иззи. Вел себя, как обычный домашний кот. Только иногда он уходил в тень и пропадал на день или несколько суток. И никто не мог заметить, как и куда сбегает этот лохматый проказник.

Купание именинника

7530 год, вечером после выступления

Таверну под гордым названием *Geranium* местные попросту называли Геранью. Этот цветок, нарисованный криво, но старательно, украшал вывеску. Горшки с цветами теснились на подоконниках. Над дверью поднимался вверх на три этажа ряд окон, из которых доносились звуки музыки. Первые этажи занимала таверна, верхние — гостиница.

Внутри было шумно, витали запахи еды. Полная трактирщица за барной стойкой цедила пиво из бочки в большую кружку. Основной зал по периметру окружал широкий балкон, опирающийся на массивные колонны. На втором этаже тоже стояли столики. В дальнем углу, у стены между окном и низким подиумом, где сидели музыканты, было шумно. Студенты махали девушкам руками и, кажется, уже успели слегка выпить.

Молодость стремительна и беспечна. Знакомство цирковых артисток с местной, местами золотой, молодежью произошло случайно. Студенты во все времена и во всех странах большую часть времени испытывают недостаток в деньгах. Этот недостаток свойственен даже детям состоятельных родителей, которые расточительно тратят выдаваемое содержание на попойки или азартные игры.

Когда цирк приехал в город, у веселой компании как раз кончились все средства — и родительские, и стипендия. Поэтому молодые люди слонялись вокруг шатра, выискивая возможность проникнуть внутрь в обход бдительного капельдинера. Попасть на представление им помогла дерзкая Лисса, чтобы слегка подгадать новой администрации. На почве обоюдной любви к проказам у них быстро наладилось взаимопонимание.

Сегодня во главе стола сидел блондин с тонким, почти девичьим лицом. Золотистая челка спадала на левый глаз, придавая ему беспечное и легкомысленное выражение. Между собой все звали его Красавчик, и парню это нравилось. Настоящим именем Иззи не интересовалась. Он отсалютовал им бутылкой шампанского. Его приятель бросил монету музыкантам, заиграл торжественный туш, блондинчик принялся раскланиваться.

- Так у вас здесь что, праздник что ли? — спрашивала Метис, а Лисса уже взасос целовала Красавчика.

- Эдди у нас завтра именинник, но его папочка-душила затеет церемонии на три дня, заставит со всеми раскланиваться, еще того и гляди, невесту на торжество притащит... Мы решили отметить сегодня.

- Так нельзя же заранее отмечать, — удивилась Метис. — Счастья три года не будет.

- Ничего, мы в магию не верим, — засмеялся кто-то из парней — а Красавчику папа все что годно купит, хоть удачу, хоть счастье.

Тот насупился, толкнул болтуна локтем в бок. Но к столу подошла румяная официантка с большой тарелкой закусок. Все набросились на сыр, огурчики и колбасу. Красавчик попытался шлепнуть девушку по крутому заду, она увернулась, хихикая. Неудачная шутка забылась.

Отмечали с размахом. Именинник едва не подрался с юнгой, назвавшим его «красоткой». На балконе, краем нависавшем над сценой, ужинали моряки со стоявшей в порту бригантины. Мальчишка, наверное, хотел покрасоваться перед мичманом и лейтенантом, взявшими его с собой за стол.

Иззи спасла ситуацию, предложив соревнование — кто сумеет пройти по перилам второго этажа, тот выиграл. Победитель получит поцелуй. Кто упадет — ставит выпивку для всех. Моряки со смехом поддержали пари. Спор привлек внимание. Подвыпившие посетители трактира из-за ближайших столов дружно ринулись к лестнице. Самый рьяный упал на второй ступеньке, подставив подножку товарищу. Иззи опять показалось, что в толчее мелькнула кошка.

Заводила добрался до перил, встал на ноги и уверенно пошел вперед. Но огромная люстра, висевшая под потолком, вдруг качнулась, будто на нее запрыгнул кто-то не слишком крупный, свет мигнул. Юнга покачулся, прикрыл рукой глаза и свалился на пол между столиков балкона.

Иззи легко вскочила на широкую балюстраду — для циркачки она была, как ровный проспект. Прошла пару шагов, сделала колесо и соскочила в конце длинного балкона. Моряки признали поражение. Потом все пили за море и отважных мореманов, затем за студентов, после — за женщин. Переместились на второй этаж. После того, как какая-то целующаяся на перилах балкона парочка едва не упала вниз, всю компанию погнали на улицу.

Моряки позвали новых приятелей в порт — встречать рассвет. Иззи хотелось к себе, отсыпаться. В отличие от Лисси, она и Метис почти не пили, но оставить компанию не могли — цирковые своих не бросают. Потащились к морю, благо было недалеко. Выбрались на центральную набережную, где у причала стояли только самые дорогие яхты. Пели песни, жгли бенгальские огни, сидели на парапете. В завершение принялись нырять с широких мраморных ступеней, спускавшихся прямо в воду недалеко от корабельного причала.

Каким образом совершенно пьяный именинник заплыл дальше, чем рассчитывал, никто не понял. Его отнесло в сторону, к пришвартованным у пирса кораблям. Похоже, что он протрезвел и здорово испугался. Матросы опомнились первыми, бросились догонять его вплавь, но было далеко, волны и выпитое мешали пловцам.

Красавчик беспорядочно бил руками по воде, барахтался, лицо его в предрассветном сумраке светлым пятном болталось на волнах. Иззи похолодела, по спине пробежали мурашки. По сердцу будто кошка лапой царапнула. Студенты застыли в растерянности и кто-то отчетливо произнес:

- Если он утонет, губернатор нас всех четвертует, а потом посадит на кол...

Развязка приближалась. Резко стало пронзительно холодно, поднялся ветер. Парня все ближе относил к борту шикарной бригантине, стоявшей у пирса. Иззи побежала. Сбросила длинный, путавшийся в ногах плащ. Стянула через голову свободную рубашку, оставшись в узких кожаных штанах и короткой тонкой майке. Вскочила на канат, тянувшийся от яхты к швартовым кнехтам. Побежала вперед над водой, добралась до борта, оттолкнулась от него и нырнула в холодную воду. В какой-то краткий миг ей показалось, что пролетая мимо иллюминатора она увидела изумленное мужское лицо.

Темная соленая вода оглушила, мигом залилась в уши, но циркачка умела плавать и несколькими сильными гребками поднялась на поверхность. Отфыркиваясь и отплевываясь, закрутила головой. Повезло — она вынырнула неподалеку, почти сразу увидела Красавчика и поплыла к нему. На последнем гребке его голова прямо у нее на глазах погрузилась под воду. Мысленно чертыхаясь, Иззи снова нырнула, ухватила мокрые волосы, потянула кверху.

На бригантине зашумели, забегали. Сверху в воду упал спасательный круг, едва не задев ее по голове. Иззи ухватила за него рукой, зубы стучали. Красавчик висел безвольной тушкой, не подавая признаков жизни. Вокруг что-то происходило, поднялась суета, крики. К ним подплыла лодка, сильные руки матросов втянули циркачку и ее безвольный груз внутрь.

На корабле

Матросами командовал молодой полуодетый мужчина. Приличными на нем были только брюки, черные, как у морского офицера. Выше пояса он напоминал корсара — распахнутая на груди рубашка небрежно заправлена за пояс, под ней — полосатая тельняшка. Из-за выреза выглядывает край затейливой татуировки. На шее болтается кожаный шнурок с подвеской. Волосы заплетены в какое-то подобие косичек. Глаза — светлые, шальные. К вискам разбегаются тонкие морщинки, как будто он всегда улыбается. Губы плотно сжаты. Между бровей залегла гневная складка.

Да он, похоже, здорово разозлился!

Матросы гребли слаженно, умело. Через пару минут купальщиков подняли на палубу корабля. Вторая лодка в стороне вылавливала из воды горе-спасателей и высаживала прямо на набережную. Судя по быстро протрезвевшим лицам и мрачным взглядам, неприятности им обеспечены.

Спасенного уложили на палубу, к нему подбежал корабельный врач с саквояжем с медикаментами. Иззи отошла к борту. Кто-то сунул ей в руки колючий плед. Она завернулась в него, вся дрожа от пережитого. Мужская рука протянула ей большую кружку, над которой поднималась струйка пара. Иззи глотнула и задыхнулась — жидкость показалась обжигающей, но не от температуры. Горло перехватило, по телу побежал жидкий огонь, на глазах выступили слезы. В кружке был грог — ром и совсем немного горячего чая.

Человек, который дал напиток, наклонился, взял ее рукой за подбородок. В лицо ей смотрели льдисто-голубые, очень светлые глаза. Иззи утонула второй раз за эту проклятую ночь. Забыла дышать, голова закружилась. Показалось, будто падает, но не вниз, а вверх, стремительно уносится в бездонное черное небо с россыпью звезд. Две из них были пронзительно сияющими и холодными. И вот теперь она действительно испугалась.

Мужчина выпрямился, обратился к врачу:

- Осмотрите ее, Льюис, похоже, это шок. Как бы нам не получить неприятности накануне старта регаты.

- Да, капитан, — ответил человек, занимавшийся Красавчиком. Тот уже не лежал, как сломанная кукла, а надсадно кашлял, отплевываясь водой.

Врач подошел к Иззи, взял ее за руку, принялся шупать пульс и заглядывать в глаза. Пока шел осмотр, капитан поинтересовался, насколько плох второй спасенный.

- Ему повезло, — заметил Льюис. — Он довольно быстро потерял сознание и поэтому почти не наглотался воды.

- Тогда вызовем полицию и сдадим этих красавчиков, — заметил капитан, почти угадав прозвище одного из спасенных.

- Нет, нет, давайте обойдемся без полиции! — опомнилась Иззи.

Вокруг толпились люди. Корабельный лекарь отпустил ее руку, повернулся к собравшимся и сообщил, что девушка пришла в себя и во врачебной помощи не нуждается.

- Не надо в полицию, — повторила Иззи, выпрямляясь.

Аркадий Франциевич старался все вопросы решать без вмешательства официальных властей. Маленькая труппа путешествовала по всей огромной Пацифиде, легко (а часто и безнадзорно) пересекая границы маленьких герцогств, баронств, княжеств. Пошлину стражникам платили только на таможне больших государств, поэтому у цирковых частенько случались мелкие нелады с законом. То документы забудут оформить, то декларацию неправильно заполнят, то провезут что-то, чего не следует видеть полицейским. Иззи привыкла, что своих подводить нельзя.

- И что же мне делать с двумя мокрыми оборванцами? — раздраженно спросил капитан, вздернув вопросительно идеальную бровь.

- Мы не оборванцы! — возмутилась Иззи и оглядела себя.

Краска бросилась ей в лицо, а затем стремительно залила шею. Плед сползал с плеч, а на ней была только крохотная майка — белье, которое она надевала под рубашку. Тонкая ткань прилипла к груди и предательски подчеркивала каждую линию тела. Мокрые брюки противно липли к ногам. Она растерянно обернулась, рассчитывая найти поддержку на берегу.

Увы, друзья Красавчика, увидев суету на дорогой яхте, позорно бежали. На набережной остались только Метис и Лисси. Одеты они были по цирковой привычке очень просто, по-мужски: в рубашки и брюки под просторными плащами. Любая горожанка сочла бы такой вид неприличным.

Капитан окинул всю компанию презрительным взглядом. Лицо у него было злым и отстраненным. И это, вместо того чтобы смутить, разозлило маленькую цирковую балерину. Какого беса, она отработала полный день, устала, хотела отдохнуть, а вместо этого дважды спасала задницу богатого засранца. Но претензии предъявляют не ему, а ей!

Взгляд капитана изменился, складка на лбу разгладилась, уголки губ вздрогнули, будто он сдержал усмешку. Он смеет еще и смеяться! Иззи казалось, что от нее сейчас пойдет пар, так она злилась.

В этот момент Красавчик наконец перестал кашлять и что-то сказал окружающим его матросам. Они зашумели, капитан отвернулся, подошел и протянул руку студенту, помогая ему подняться. Красавчик постарался выпрямиться и даже показался Иззи старше, чем она думала раньше. Они о чем-то переговорили с капитаном, на берег отправился вестовой и через пятнадцать минут их уже свели по сходням на пристань и посадили в чью-то карету.

Девочки подбежали к ним с плащом и рубашкой подруги в руках. Иззи обернулась к капитану, стоявшему у дверцы кареты. Протянула руку, положила на сгиб локтя, привлекая к себе внимание. Он вздрогнул, но потом молча посторонился и пропустил внутрь Метис и Лиссу.

Капитан захлопнул дверцу, кивнул кучеру и карета тронулась. Внутри было довольно темно, но тепло. Красавчик нащупал пальцы Иззи и молча сжал подрагивающей рукой. Поехали по окружной дороге, мимо поля, где стоял шатер шапито. Именинник высадил их за поворотом ближайшей улочки и уехал дальше. Расходиться не стали, забились в комматку Иззи, завернулись вдвоем в одно одеяло. Так и задремали, уютившись поперек узкой постели. Через пару часов надо вставать, чтобы идти развлекать горожан.

Трудности роста фамильяра в мире, почти лишенном магии (заметки Белиала)

Привыкнуть к новому миру было непросто. Я ничего не забыл при переносе, но из-за нарушения сроков перенос произошел не полностью. Основные магические способности я мог активировать, только перейдя на теневую сторону. В первый год этот переход происходил внезапно, в самые неожиданные моменты. Каждый раз, когда на лохматую черную шкуру падала густая темная тень, мои лапы начинали растворяться, хилое тельце растекалось лужицей тумана и только зеленые глаза еще несколько мгновений продолжали отбрасывать зеленые всполохи.

Ловить мышей в таком нестабильном состоянии было невозможно, но ловля вредных грызунов и не входит в мои планы. Мы с моей подопечной должны быстренько овладеть магическим даром, разучить несколько самых мощных заклинаний и овладеть миром. Ну а потом можно и домой, к папочке. Такой триумф позволит мне вернуть свое законное место в демонической иерархии!

Как же я ошибался! Первые шаги давались невероятно тяжело. В этом мире было слишком мало магии. Еще хуже то, что он был экранирован от моей привычной реальности. Мои

послания не доходили до брата, который и организовал мне эту «командировку». Жив ли он сам? Все ли в порядке дома? Горят ли котлы в цеху кающихся грешников? Не тают ли льды в хельхейме у грозных воинов в рогатых шлемах? Сыты ли мои адские гончие? Столько хлопот, а я здесь прохлаждаюсь в теле черного кота...

Магическое развитие моей подопечной буксовало. Точнее, магии в ней и вовсе не было. Я бросил бы все и сам прыгнул в горящий камин, чтобы прервать это бессмысленное бытие, но однажды заметил, что Иззи видит сумрачный мир. Не всегда, не умеет отличать очевидную реальность от магического уровня, не способна общаться со мной мысленно. Но она замечает меня, когда я тенью следую за ней в ее подростковых авантюрах!

Эти приключения зачастую оказывались весьма опасны. Много раз мне доводилось спасать девчонку как минимум от выволочки, а как максимум — от заключения в каменный мешок. Через некоторое время я понял, что магия вокруг есть. Это тонкая, эфемерная энергия, с которой не получится обращаться при помощи примитивных заговоров или пентаграмм. Предстояло разобраться в том, что же произошло в этом мире и как подтолкнуть к пробуждению магический дар Иззи. На это я потратил почти 5 лет.

Под тенью банкротства

7530 год, первый день месяца румяный

Иzzi снилось что-то странное. В зыбком тумане мерещилось незнакомое, бородатое и надменное лицо, словно перечеркнутое болью. Бой колоколов, топот копыт, скрип телег, тревожный звук труб. Ее словно звали, но зов оборвался на низкой ноте, затих, оставив вибрацию на кончиках пальцев. А потом черное облако, оцетинившееся острыми иглами, обрушилось ей на грудь.

Это был уже не сон — девушка вздрогнула, попыталась оттолкнуть верткий клубок лап, когтей и зубов вялой от сна рукой и раскрыла глаза. Бася вернулся с ночной охоты через окошко, прыгнул со ставни прямо на спящих, требовательно заурчал что-то среднее между «мяу» и «мясо». Он явился вовремя, вокруг уже поднялась суeta, артисты собирались в город, звать зрителей на вечернее представление. Пришлось вставать, втискиваться в старенький костюм, почти на ощупь седлать Астрею. Метис и Лисса зевали, успев переодеться за пять минут и догнав Иззи на выходе.

Цирк стоял на грани разорения. Они пришли в приморский городок в тревожное время. Обычной весной эти края расцветали. Жители радостно встречали тепло и солнце, наперегонки бежали на представления и щедро вознаграждали артистов. Но этот год как будто оказался под знаком черной луны. Все не ладилось, беда, как грозовая туча, собиралась на горизонте. В беспечном приморском городке у губернатора заболела жена. Весенние заморозки побили всходы на полях. В воздухе ощущалось уныние.

Для маленького цирка год начался с траура. Их умный, хитрый, ловкий и добрый Аркадий Францевич скончался в знобком лютенарии в середине зимы, оставив дела в полном беспорядке. Его сразила какая-то опасная и древняя хворь, эпидемии которой уже давно были забыты. Им не удалось достойно организовать прощание — тело осталось в больнице университета, в глубоком погребке, в распоряжении магических лекарей. Хотели и всех цирковых запереть и заморозить в стазисе для большей безопасности государства, но цирк остановился за пределами городских стен. Они быстро свернули шатер шапито и отбыли ночью, в самую вьюгу, не дожидаясь встречи с городской стражей. Гнаться за ними не стали.

Догнали их чуть позже кредиторы и долги. Все кредитные бумаги старого директора выкупил бывший полицейский Дучо Мандарино, решивший выйти в отставку и открыть свое дело. Этим делом стал цирк. Дучо распродал тех животных, которых удалось сбыть, разогнал оркестр, оставив одного человека, и попытался организовать из имевшихся в наличии дам переездной бордель. Породистых лошадей приобрел мелкий барон для разведения в своей конюшне. Морского льва выкупил бургомистр городка, через который они проезжали, для домашнего зоопарка. Тигра и медведя все боялись, поэтому о продаже не думали, а трех низкорослых и крепконогих лошадок пришлось оставить, чтобы везти вагончики с оставшимся цирковым имуществом.

Хуже всего получилось с самой доходной частью плана Дучо — его личным борделем. На новую работу с радостью согласилась только толстая Ольгинда. Но ее единственным клиентом оказался сам Мандарино. Он быстро подпал под очарование ее массивной фигуры, зычного голоса и крепкой руки. Когда директор попытался заикнуться о свободах холостого мужчины, выяснилось — избавиться от женщины не так-то просто. Фокусник, долгое время изнывавший в тисках этой зрелой любви, мстительно хихикал и радовался, что сумел выскользнуть из оков ее пухлых рук.

Оставался самый лакомый «товар». Юные акробатки и балерина, танцевавшая на канате. Но и тут Дучо ожидала неудача. И Лисси, и Метис были достаточно опытны, чтобы сразу пресечь наглые попытки директора свести их за кулисами с богатыми посетителями цирка. У

Лисси был покровитель, какой-то дальний родственник, служивший стражем. Она пригрозила пожаловаться «дядюшке». У Метис подрастал сын, живший где-то в южных провинциях со своей теткой и бабушкой. На предложение «пройти в ложу всего на полчаса и подзаработать» она так отходила директора своей расшитой блестками, но потертой и пыльной туфелькой, что он еще дня три прятал от всех заплывший багрянцем левый глаз.

Самой незащищенной оказалась Иззи. В свои 17 лет она просто не сталкивалась с тем, кто мог бы хотя бы слегка задеть ее сердце. В труппе все мужчины были старше и видели в ней младшую сестру или племянницу (ведь Иззи выросла в цирке). Даже клоуны давно уже привыкли к ней, как к приятелю по играм и проказам. Все они втайне грезили о великой любви, которая поможет им вырваться за пределы тесного, пропахшего звериным запахом и трудовым потом, кольца арены. Но Иззи ни разу не влюблялась и не собиралась торговать тем, что, по ее мнению, ничего не стоило (или стоило слишком много).

За коллег вступились остальные артисты. Дрессировщик так зловеще пощелкивал замком на дверце тигриной клетки, что Дуче предпочел убраться подальше. Но своих попыток не оставил. Время тянулось в вялом противостоянии. Директор зазывал в ложу богатых мужчин, девушки прятались в кулисах и после представления сбегали из цирка через лазейки в шатре. Они даже сложили в сундучок обычную одежду и, приезжая в новый город, оставляли ее в комнатке в таверне, снятой на троих.

Новый директор получил по просроченным векселям весь цирк, вместе с договорами артистов, животными и ангажементом на текущий год. Если артисты соберут достаточно денег, то зимой наступит срок для выкупа. Труппа сможет стать свободной, получить обратно все имущество и выбрать себе нового главу. Все они старались, но деньги утекали в карман директора, а у артистов копились долги — за еду, за корм для животных, за все подряд. Все они искали шанс где-то раздобыть сразу много золота, но понимали что это — сказка. Тем не менее, надо было собирать побольше зрителей, поэтому они и бродили по улицам каждое утро, развлекая прохожих и обещая «необыкновенное» вечернее представление.

Иzzi преследуют неприятности

Еще одно утро, в точности похожее на другие. Если бы не ночное купание и новое знакомство. Хотя столкновение Иззи и капитана (как его зовут, интересно) трудно назвать полноценным знакомством. Клоуны двигались лениво, автоматически выполняя простые трюки и время от времени выкрикивая что-то бодрое, но большую часть этой рекламы не было слышно за звуками, издаваемыми человеком-оркестром.

Мерный шаг лошади усыплял Иззи, несмотря на окружающий ее шум. Она шурились на солнечный свет и сквозь ресницы видела в промежутке между крышами домов паруса величественной бригадины, подкрашенные в складках алыми всполохами восходящего солнца. Процессия повернула, следуя изгибам узкой улочки и двинулась от берега. Паруса остались за спиной. В голове было пусто и гулко.

Хорошее, в целом, утро.

А потом Астрея решила, что наезднице пора проснуться. Их небольшая команда как раз вышла на площадь, к городскому фонтану. Кобыла коварно наклонилась над бортиком, изображая, что хочет напиться. Задремавшая окончательно Иззи скользнула вбок и триумфально свалилась в воду, подняв брызги во все стороны. Рыжий клоун ржал, как конь. Астрея шараясь от него в сторону, спугнув парочку прохожих. Белый стряхивал воду с пышных манжет и тоже рыдал от смеха. Вот теперь они действительно привлекли внимание публики! Собачки радостно вертелись, еще больше увеличивая кутерьму и всеобщую свалку.

У фееричного кульбита со спины лошади прямо в фонтан оказалось три следствия.

Задачу по привлечению зрителей они выполнили. Народ гоготал и свистел. На балкон дома губернатора вышел сам глава города, его разряженная в бриллианты жена, напыщенный наследник и стайка младших детей. Они мигом завизжали от восторга и стали требовать немедленно погладить собачек и покататься на лошадке.

Иззи окончательно проснулась. Балерина не только вымокла, но и здорово ударилась обо что-то. Сидя в неглубокой чаше фонтана, она ощущала ягодицами монетки, скопившиеся на дне. Пошарила рукой, ища на что бы опереться. Ухватила за вырезанные из мрамора цветы, оплетающие основание статуи в центре.

Это была девушка, державшая на плече кувшин. Из цветов вокруг ее ног вверх били тонкие струйки воды. Из горлышка кувшина вниз стекал водопад, разбивавшийся внизу на искрящиеся брызги. За этой неширокой прозрачной стеной скрывался изящный бутон, настолько тонко вырезанный неизвестным мастером из камня, что через сомкнутые лепестки просвечивала сердцевина. Внутри как будто билось крошечное сердце.

Иззи неосознанно потянулась к нему рукой и ощутила волну тепла. В холодной воде это было странно, она моргнула и ей показалось, что лепестки немного сдвинулись, раскрываясь. Но в фонтан забрался рыжий клоун, подхватил ее на руки и вынес на сухое место. Иллюзия растворилась в водяных струях. От бортика великолепный цветок совсем не был виден. Только по руке Иззи утихающим эхом пробегали мурашки.

- Кланяйся! — шепнул Арлекин и подтолкнул Иззи в спину. Пьеро уже подметал мостовую широкими длинными рукавами. Балерина по-шутовски глубоко наклонилась в сторону балкона, потом подняла голову и увидела замшевые мужские туфли с серебряными пряжками. Медленно скользя взглядом она разглядела бархатные штаны на крепких ляжках, расшитый камзол и белую пену кружевного галстука под гладко выбритым подбородком. Губернатор подошел к самым перилам и даже слегка наклонился, чтобы посмотреть поближе на это внезапное происшествие.

Ему понравилось, как глубоко склонилась изящная фигурка в поклоне, а иронии на скрытой кудрями мордашке он не заметил. Лицо налилось самодовольством, пухлые щеки покрылись румянцем.

- Поклонитесь еще раз, — милостиво разрешил он. Артисты рассыпались «мелким бесом», соорудив на лицах самые подобострастные рожи. Народ вокруг засмеялся. Благостное выражение слетело с лица губернатора. Сзади его дергал за фалду примерно пятилетний малыш в шелковом костюмчике.

- Джон, - обратился он к дворецкому — пригласи артистов в наш сад. Дети хотят увидеть представление!

Компания с лошадью и собачками оживилась. Представление в саду у губернатора! К обеду об этом будет знать весь город, а к вечеру билеты раскупят до конца недели! Это удача! Да и в соседнем городке дальше по берегу залива их примут гораздо теплее...

Человек-оркестр ударил в литавры, собачки залаяли, акробаты цветной стайкой первыми юркнули в калитку, открытую им навстречу. Внутри они увидели беседку возле небольшого поля для игры в мяч. Туда уже неспешно собирались семейство и гости губернатора. Артистам предложили занять ровный зеленый газон. Астрей остановилась сбоку от беседки, возле увитых плющом перил. Гостей угощали фруктами, на маленьком столике стояло большое блюдо с абрикосами и сливами. Мокрая балерина в обвисшей пачке притаилась рядом, приглядывая, чтобы строптивая кобылка никого не укусила. На изящном стуле рядом с ними сидела безучастная жена губернатора.

Женщина выглядела нездоровой. Ее платье было роскошным, в ушах и на шее поблескивали драгоценности, но глаза оставались пустыми и тусклыми. Она хворала с зимы и городские лекари не могли найти причины. Говорили, что это слабость после перенесенной простуды и вскоре она пройдет сама собой. Но дни текли, складываясь в недели и месяцы, а ничего не менялось.

Началось представление. Дети смеялись, стайкой окружив фокусника. Он жонглировал мячиками, но поднимаясь в воздух, они превращались в маленьких птичек, пестрых бабочек и стрекоз. Акробаты ловко построились в пирамиду: внизу два брата, стоящие на перевернутом барабане, у них на плечах — две изящные девушки изображают то большое трепещущее сердце, то птицу с расправленными крыльями. Клоуны играли с собачками, заставляя их ходить на задних лапах, кувывкаться и прыгать через обруч.

В этот момент Астрей протянула морду над перилами и ухватила крупными зубами яблоко. Фрукт держала в руке губернаторша. Иззи поймала кобылу за морду, спасая пухлую белую ладошку от укуса. Вода с ее мокрых манжет капнула на теплую кожу, вспыхнув крошечной искоркой. Губернаторша вздрогнула, отдернула руку и взвыла от испуга, как пароходная сирена. В беседке начался переполох, дамы вскакивали, роняя стулья. Мужчины хватались за шпаги, стража бросилась вперед и довершила картину катастрофы.

Но через минуту о бедных артистах забыли. Губернаторша замолчала, а затем покраснела, сжала кулачки, и огляделась вокруг себя осмысленным взглядом. Увиденное ей совершенно не понравилось. И она снова открыла рот, из которого посыпалась ругань, достойная бороды лучшего корабельного боцмана!

Среди дам случилось два обморока и один приступ икоты. Гости оказались неприятно поражены. Только губернатор лучился от счастья. С криком «дорогая, наконец-то ты к нам вернулась!» мужчина бросился обнимать ругающееся чудо в шелках и бриллиантах. Он велел проводить гостей в дом, выгнать артистов и сам, нежно поддерживая под локоток, принялся успокаивать возмущенную жену.

Первой выставили со двора лошадь, дожевывавшую яблоко раздора. Клоуны подхватили на руки собачек и вся компания выкатилась на площадь. У фонтана сплетничали горожанки.

- Ты только послушай, как заливается! — благообразная пухленькая булочница в белом фартучке слушала доносящуюся из роскошной виллы брань с удовлетворением на лице. — Как бывало раньше на рынке торговалась в мясном ряду, так мой Клаус и заслушается, аж булочки подгорят...

- Видать, выздоровела, голубка, — вторила ей сухощавая женщина в сером форменном платье, воспитательница закрытого пансиона для девочек. — Побегу-ка, расскажу эту новость нашей директрисе... Как бы со скуки к нам с проверкой не нагрянула.

От губернаторского дворца словно волнами расходилось оживление. Стражники подтянули животы. Лавочники принялись протирать от пыли прилавки. Кумушки засутились. Даже голуби, казалось, громче курлыкали и старательнее чистили перышки.

В ловушке

В суете никто не заметил, как лакеи схватили Иззи с двух сторон и быстро втолкнули в небольшую скрытую дверцу. Это был черный ход, которым пользовались слуги. Одного она лягнула ногой, второго боднула лбом, но идти было недалеко. Легкую балерину подхватили, как мешок, и втолкнули внутрь. Она вывернувшись, пробежала несколько шагов, из тесного темного коридорчика выскочила в небольшую комнату.

Стен не было видно за высокими книжными шкафами. У окна стоял большой письменный стол из темного дерева со столешницей, затянутой зеленым сукном. Повсюду лежали свитки, книги, перья и химические реторты. Иззи была в комнате одна, дверь за ее спиной захлопнулась, сухо щелкнул ключ, проворачиваясь в замке.

Маленькая балерина поняла, что прямо сейчас никто ее убивать или бить не будет. Пахло сухими травами, чем-то горьким и дымом от камина, где тихонько догорали дрова. Сначала она кинулась к окну, ухватила подрагивающими пальцами за раму, потянула ее вверх. Ничего не вышло, окно надежно закрыто. В оловянную решетку были вставлены цветные стекла, отбрасывавшие пестрые блики на деревянный пол. Иззи прижалась лбом к стеклу и увидела, как в ворота вышли клоуны с собачками. Стражники копьями подталкивали их в спины.

Значит, помочь ей они не могут. Надо выбираться самой. Тишина в комнате была такой абсолютной, что в голове Иззи стоял легкий звон. Она нарочно громко топая подошла к камину, расправила мокрые складки платья чтобы немного подсохнуть. Ждать, что будет дальше или пока никто не пришел попытаться сбежать? Комната будила любопытство. Манускрипты казались очень древними на вид, от них даже пахло как-то по-особенному.

На столе лежала толстая книга с желтоватыми листами. Иззи попыталась прочесть, что написано на странице, но не смогла разобрать — символы были незнакомыми. Она перевернула несколько страниц и книга сама раскрылась на красивом рисунке. Необычный цветок, напоминающий нечто среднее между лотосом и орхидеей, был написан в тончайших подробностях. Акварель сопровождалась схемой, показывающей растение в разрезе. Стрелки указывали на стебель, лепестки, сердцевину и содержали подробные, но абсолютно непонятные инструкции.

Иззи настолько захватила книга, что звук открывающейся двери заставил ее подскочить на месте. В комнату кто-то вошел. На мужчине были замшевые туфли с крупными пряжками, белые шелковые чулки до колена, бархатные панталоны лазурного цвета, такой же жилет и камзол. Из ворота выглядывала кипельно-белая пена тонких кружев, украшавших ворот и манжеты сорочки. Волосы мужчины были взбиты и так напудрены, что Иззи не смогла угадать их цвет. По кричащей дороговизне наряда она узнала наследника губернатора.

Мужчина быстро подошел к ней, схватил за руку и приблизив лицо к самому носу балерины прошептал, почти не разжимая губ:

- Молчи обо всем, ты меня не знаешь!

«Я и правда вас не...» начала было Иззи, но слова застряли у нее в горле. Вблизи под пудрой, румянами и кружевами она разглядела аккуратный носик, пушистые рыжие ресницы и голубые глаза Красавчика. Всего полдня назад они вместе с ним были выловлены матросами из морской воды в заливе.

- Ни слова папе! И нашим ни звука!!! — торопливо прошептал он и, оборачиваясь к двери, уже громко и уверенно продолжил: — вот она, папа! Я знал, что ты захочешь разобратся с этим сам.

От испуга Иззи ощутила слабость, но почти сразу разозлилась. Да что случилось? Ну, подумаешь, слегка задела даму рукавом. Она готова извиниться. К тому же, лошадь может весьма чувствительно цапнуть зубами. Балерина спасла руку губернаторши от синяков, так

что заслуживает благодарности. Она потихоньку пятилась, пока не уперлась спиной в край массивного стола. В комнату вошел тучный мужчина, одетый так же дорого, как Красавчик, но менее причудливо. Помещение сразу стало казаться маленьким и тесным.

Всей своей массивной фигурой он надвигался на хрупкую балерину. Она нащупала за спиной на столе массивную мраморную пепельницу в намерении вооружиться. Они не получают ни ее невинность, ни жизнь. Во всяком случае, легко она не сдастся! Иззи прикусила нижнюю губу, на лбу под волосами выступила испарина. В этот момент из каминной трубы на горящие угли посыпалась сажа. Красавчик и его отец синхронно обернулись, выпустив Иззи из прицела напряженных взглядов.

Балерина собралась, как пружина, и метнулась в сторону оставшейся открытой двери. Она уже видела близкий выход, но по коридору навстречу ей шли два лакея. В руках у них был небольшой, однако тяжелый сундучок. Перепрыгнуть или поднырнуть? Нет времени на раздумья. Она ласточкой нырнула над сундучком, между двумя молодыми мужчинами. От неожиданности они рванулись в стороны, руки напряглись, поднимая ношу выше. Острым углом крышка сундучка врезалась Иззи в живот и отбросила ее назад.

Балерина упала на спину. Минутная растерянность и шанс сбежать был упущен. Вокруг поднялась суeta, набежали слуги. Все ахали и охали, сам губернатор легонько шлепал ее по щекам и требовал позвать лекаря. Среди общего гама слышалось непонятное: «спасительница наша», «бедная девочка» и «помогите ворожее». Перед глазами у Иззи поплыли цветные пятна и спасительная темнота выключила ее сознание.

Сундук золота

Девушка пришла в себя в той же комнате с витражными окнами, книжными шкафами и камином. Она полулежала в просторном кресле, ноги были удобно устроены на низенькой табуретке с бархатной подушкой. На лбу лежало влажное полотенце. За руку ее держал сухонький старичок в просторной профессорской мантии и маленькой круглой шапочке на затылке. Он посчитал пульс, заглянул ей в глаза и отошел в сторону.

- Мелочь, небольшой обморок. Должно быть, она простужена. Есть небольшая слабость, но она скоро пройдет.

Мужчины отошли в сторону и тихо совещались о чем-то. Иззи показалось, что из-под табурета поблескивают желтые кошачьи глаза. Она зажмурилась и помотала головой. Глаза никуда не делись, а еще ее за ногу тихонько царапнула черная когтистая лапка. Тень сгустилась и плавно перетекла в кресло, под бок девушки. Рукой она ощутила легкую щекотку, как от касания пушистым боком. Но увидеть не удавалось ничего, кроме сгустившихся теней.

«Ничего не бойся, ничего не рассказывай, ничего не проси» мелькнула в голове мысль. «Мау» добавил мысленный голос и Иззи поняла, что это не ее мысли. Она окончательно пришла в себя и попыталась устроиться в кресле поудобнее. Ее движение привлекло внимание мужчин. Вперед выдвинулся губернатор, успевший избавиться от своего павлиньего костюма и переодеться в нормальные брюки, рубашку и длинный жилет. Теперь он выглядел вполне солидно. Лет сорока, с аккуратным брюшком, крепкими руками, уверенным взглядом.

Циркачка вспомнила, что лет 15-20 назад губернатор был купцом, много путешествовал и отлично разбирался в оружии и доспехах. Свою жену он привез из далеких западных стран, осел в городе, нажил пяток ребятишек, разбогател и занял должность губернатора. У него были обширные связи в самых разных слоях общества.

Жену губернатора горожане тоже успели отлично узнать за прошедшие годы. Она была простого сословия, но из богатой семьи. Умела сама готовить, вела хозяйство, любила ходить на рынок и до хрипоты торговаться с лавочниками. Голос у нее был громкий, речь — прямая, а натура по-крестьянски основательная. Среди аристократов она не находила себе места, от безделья скучала, а от скуки увлеклась коллекционированием драгоценностей и созданием изощренных нарядов. От последнего увлечения страдали все городские модистки, но больше всех — домашние, вынужденные по праздникам носить всю эту роскошь.

Прошлой зимой случилось сразу два ярких события. Губернаторша громко, так что стекла в окнах дрожали, поругалась с приехавшей из столицы аристократкой. А потом заболела, неделю пролежала в горячке, чем испугала мужа, детей и прислугу. В доме ее любили, несмотря на пристрастие к крепким выражениям. После болезни характер матери семейства круто изменился. Она словно замерзла. Потеряла интерес к скандалам, забыла о любимых украшениях, не заказывала новых платьев и почти не разговаривала.

Когда в первый летний день Иззи задела руку бледной и молчаливой, как статуя, губернаторши, с нее словно сняли покрывало. Гнев и крик разбили ледяную корку, женщина снова стала сама собой. Слуги шептались, что дело в колдовстве и заезжая ворожея сняла с госпожи проклятье. Срочно вызвали лекаря, профессора и лицензированного мага, для консультации. Он был частым гостем в губернаторском доме, но на рассказы о магическом вмешательстве только махнул рукой и потребовал не говорить глупостей.

- Дело в фонтане, — объяснил лекарь. — Это слабый магический источник. За год в нем копится энергия и в первый день лета ее уровень достигает максимума. Но так как в нашем мире магии очень мало, то никто уже не помнит, как ее использовать. Накопленный потенциал просто растрачивается всеми, кто в этот день набирает воду из фонтана. Балерина кап-

нула «заряженной» водой на кожу больной и этой малости оказалось достаточно, чтобы окончательно изгнать болезнь. Случайность!

- Счастливая случайность, — заметил губернатор. — Поэтому я решил вознаградить нашу спасительницу, хоть воли ее в случившемся и не было.

- Вы, циркачи, любите все странное и необычное. - Теперь губернатор говолил с Иззи: — Я отдам тебе сундук золота, который остался у меня из одного из самых дальних путешествий. Эти монеты встречаются у нас так редко, что в оплату их никто не принимает. Но золото защищено древней магией, поэтому переплавить деньги в слиток и продать по весу драгметалла не получится. Уверен, ты сможешь найти для них применение.

- Сделай себе монисто, — подмигнул из-за плеча папочки умытый и переодетый Красавчик. Вместе с нормальной одеждой к нему вернулась и привычная самоуверенность. – Это я папу попросил вас отблагодарить за представление и помощь. И вчера тоже...

Лакеи поднесли поближе уже знакомый Иззи сундучок и откинули крышку, украшенную самоцветами. Внутри тускло засияло непривычно темное, масляно-желтое золото. Монеты были новенькими, блестящими, полновесными. И, как догадывалась Иззи, совершенно в этом городе бесполезными.

Балерина вернулась в цирк, как королева, в сопровождении слуг, в карете, влекомой парой красивых гнедых. Лакеи открыли перед ней дверцу, помогли спуститься с подножки, а затем достали и торжественно внесли в вагончик небольшой, но тяжелый и красивый сундучок. Узорчатый ключик от него болтался на шее у балерины.

Цирковые встретили это шоу молчанием. Только после того, как чужие отбыли восвояси, к Иззи бросились с расспросами Арлекин, Пьеро, Лисси и Метис. Остальные собрались в кружок и с нетерпением ждали рассказа о ее приключениях. Отделавшись парой фраз балерина поспешила в свой вагончик. Надо было снять пришедший в полную негодность костюм, переодеться в сухое, проверить, дали ли овса и воды ее кобылке. Первый, кого увидела Иззи у себя, был Белиал. Он важно восседал на крышке сундучка с монетами

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.